

С. В. Шкунаев

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩИННОГО УСТРОЙСТВА В КЕЛЬТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

(На материале древнеирландских законов)

В свое время нами была опубликована статья, посвященная значению ирландских законодательных памятников для выяснения ряда кардинальных моментов социального устройства древнекельтских обществ как в самой Ирландии, так и, в значительной мере, на континенте¹. Несмотря на обобщенную по необходимости форму изложения, мы стремились продемонстрировать плодотворность указанного пути для исследования. Представляется несомненным, что подобная работа должна быть нацелена прежде всего на освещение вопросов земельных отношений и покоящегося на них общинного устройства — центральных элементов социальной практики интересующих нас коллективов. Здесь, как и в большинстве других случаев, ирландские и, шире, островные письменные памятники (прежде всего законы) являются практически единственными источниками такого рода, доступными в настоящее время. Уже одно это, даже помня о принадлежности памятников права (во всяком случае имеющих окончательных редакций) к несколько более позднему времени, чем непосредственно интересующий нас период, заставляет не пренебрегать ими. Однако, как было продемонстрировано многими учеными и подчеркнута в нашей работе, задача вычленения наиболее архаических слоев законодательных трактатов не принадлежит к невыполнимым.

Оставляя в стороне источниковедческие трудности, корни которых были показаны в названной выше статье, мы попытаемся теперь рассмотреть племенное устройство древнеирландского общества с точки зрения принадлежности человека более обширному социальному целому, будь то кровнородственные или иные организмы. На основе полученной картины мы сможем предварительно очертить функции собственно обширных отношений в системе племени и до известной степени представить себе их эволюцию. Прежде всего мы обратимся к двум кругам социальной принадлежности индивида, обозначаемым соответственно терминами *fine* и *clann*².

¹ См. Шкунаев С. В. Раннеирландское общество и его отражение в законах. — ВДИ, 1975, № 2, с. 132 слл. В настоящий момент мы считаем излишним возвращаться к ряду понятий ирландского права, получивших в этой статье предварительное освещение. Напомним лишь, что все без исключения письменные памятники относятся ко времени после VI в., однако во многом отражают условия начала н. э. Это объясняется отсутствием римского влияния и чрезвычайно мягким формам принесшей письменность христианизации (V в.).

² Термин «клан», давший название целой теории, не имеющей, правда, сейчас большого числа сторонников, оброс в историографической традиции целым рядом чуждых ему в ирландском праве значений. Их перенос на ирландскую почву был в значительной степени определен контактом с социальной системой Шотландии нового вре-

Общепризнано, что стоявшим за первым из них организмом была сохранившая значительную устойчивость на протяжении столетий большая семья в различных ее формах. С рассмотрения этих форм мы и начнем.

Из древнеирландских текстов, касающихся большой семьи, выделяют прежде всего законы о наследовании (нас интересуют главным образом материалы о наследовании в пределах различных форм *фине*, а не внутри определенной формы), позволяющие выяснить взаимоотношения различных типов *фине*, и законы об отчуждении и пользовании земельными участками, действовавшие в основном в пределах наиболее узкого типа большой семьи.

По общему мнению, разделы законов, касающиеся наследования, принадлежат к числу наиболее спорных памятников. Однако именно в них мы встречаемся с подробной характеристикой различных типов большой семьи, причем, отвлекаясь от разногласий по частным вопросам между некоторыми сборниками и трактатами, необходимо попытаться построить их общую схему в виде как бы концентрических кругов. Прежде всего отметим, что в законах термин *фине* употребляется в узком и широком смысле. Там, где мы встречаем его без дальнейших разъяснений, речь всегда идет о большой семье в узком смысле (здесь выделяются две ее формы, взаимоотношения между которыми являются предметом научных дискуссий, см. ниже). В свете дальнейшего изложения характеристика именно этой группы представляется наиболее существенной. Обе группы охватываются даваемым в законах перечнем подразделений *фине*. Приведем его: *geilfine*, *deirbfine*, *iarfine*, *innfine*, *deirgfine*, *duibfine*, *fine-tacuir*, *ingen ar meraib*. Все группы характеризуются фактом взаимного родства, достоверно и общепризнанно известного всем их членам. Важность такой оперативной памяти членов *фине* станет особенно понятна впоследствии. Напомним еще раз, что в масштабе туата — племени — генеалогическая традиция близко подходила, а где-то и сливалась с мифологической. *Фине* в узком смысле включает в себя *geilfine* и *deirbfine*. *Geilfine*³ включала потомков общего деда, вплоть до детей братьев его сыновей, что и составляло пять уровней родства. *Deirbfine* же «простирается до девяти человек», т. е. включает в себя потомков общего прадеда. Все дальнейшие подразделения большой семьи последовательно возрастают путем прибавления четырех разрядов и в случае *innfine* их число доходит до 17⁴. Такова статистическая схема, но, прежде чем наполнить ее реальным историческим содержанием, нам, быть может, придется, нарушая последовательность изложения, остановиться на одном спорном вопросе. Считают⁵, что есть все основания признать разряды большой семьи, входящие во вторую, широкую группу, существенно более поздними и в лучшем случае иллюстрирующими попытки юристов приспособить более или менее условные схемы к современным им общественным условиям. Мы не можем согласиться с такой постановкой вопроса, хотя в принципе признаем, что сохранение в текстах законов форм большой семьи, не имевших серьезного значения в реальной практике коллектива, могло иметь и там.

В применении к ирландской действительности «клан» не имеет иного значения, кроме как «дети, потомство» — см. *MacNeill E. Phases of Irish History. Dublin, 1967*. Совершенно неверно отождествлять клан с населением туата (где туат принимается за обозначение территории клана). Нам важно уточнить этот вопрос в силу того значения, которое получают в дальнейшем изложении отношения собственности, *нигде* в ирландском праве не связанные с кланом, точно так же как не рассматриваемые в законах в связи с территорией туата. К вопросу о естественных границах отношений собственности мы еще вернемся.

³ Законы говорят, что она «простирается до пяти человек».

⁴ Есть и явно схематические подразделения типа *ingen ar meraib* — «ноготь против пальцев», символизм ладони — общего предка и суставов пальцев — трех поколений его потомков, был дополнен символизмом ногтя для обозначения более широкого круга родичей.

⁵ *Binchy D. A. The Linguistic and Historical Value of the Irish Law-tracts. L., 1943, p. 14.*

кого рода причины. Подобных причин, скорее всего, два типа: а) схематизирующие тенденции, *существенно* присущие *всякой* записи прочно укоренившейся устной традиции в связи с разными подходами к фиксации материала, быть может, особенно ярко проявившиеся в Ирландии, и б) стремление сохранить как действительные те формы организации людей в кровнородственные коллективы, которые были уже отжившими. Связанные с этими тенденциями вопросы принадлежат отнюдь не только к области источниковедения — они должны считаться коренными как для нашего исследования, так и для анализа ирландского общества вообще. Исследование же это имеет двойную направленность: взглянуть на общество того времени глазами самих его членов (вот здесь-то и могут встать источниковедческие вопросы о различии взгляда на вещи *юристов* и участников социальных процессов) и подойти к обобщениям, доступным с точки зрения исторической теории. Соответственно, необходимо понять как *язык описания*, свойственный рассматриваемым источникам, так и определить социально-экономическую основу затрагиваемых в них институтов. Язык описания данного явления в древнеирландских законах строится именно как поиск своего рода «точки», определяемой некими «линиями координат»: любой человек принадлежал, прежде всего, к какому-либо статусу (ирл. *-grad*, одно из подразделений общества, принадлежность к которому зависела от объема богатств; многочисленность статусов, видимо, не была характерна для древности, и в ней как бы статически запечатлелся медленный процесс разложения родового строя) и какой-либо форме большой семьи. Соответственно этим двум параметрам человек и участвовал в социальной жизни общества. Нам же, кроме того, важно определить хозяйственную и социальную основу жизнеспособности и развития минимально самостоятельного коллектива.

С этой точки зрения необходимо обратить внимание на две узкие формы большой семьи. По вопросу о вторичности каждой из них нет единого мнения. Нет единообразия и в самих законах. Для них обычно нечеткое разделение юридических характеристик *geilfine* и *deirbfine*, приводящее сплошь и рядом к дублированию их функций, причем в комментариях нередки случаи прямого отождествления этих понятий и глоссирования одного другим⁶. Подобное положение характерно, по-видимому, для переходного периода. Нечеткость определений законов привела ряд исследователей⁷ к признанию за *deirbfine* характера юридической абстракции. *Deirbfine*, по их мнению, не была постоянно конституированной единицей и необходимость в ее оформлении возникла лишь время от времени, в связи с рядом юридических процедур (раздел наследства, принятие наследуемого долга и т. д.). Мнение это глубоко ошибочно и показательно связано с представлением этих исследователей о характере собственности в древнеирландском обществе. Позицию эту тем не менее необходимо иметь в виду для понимания рассматриваемых нами ниже вопросов. Принятие языка описания за собственно реальность — ее основа.

Вопрос о соотношении *geilfine* и *deirbfine* допускает и другие решения. Так, Д. Бинчи придерживается мнения, что *deirbfine* представляет собой древнейшую и в значительной мере общую для всех индоевропейских народов форму большой семьи, в то время как *geilfine* появилась вследствие дробления *deirbfine*, и именно эта последняя форма семьи представляет собой ее наиболее четкое юридическое воплощение⁸. Действительно, можно видеть, что в древнеирландском обществе основные социальные характеристики, связанные с благородством статуса, а также формами королевской власти, непосредственно вытекают из структуры семьи, включающей четыре поколения общего предка. Как известно, преодоление барьера,

⁶ *Binchy*. Op. cit.

⁷ *MacNeill*. Op. cit., p. 230.

⁸ *Binchy*. Op. cit.

отделявшего благородные статусы от неблагородных, было связано с наличием трех поколений благородных предков. Внутри благородных статусов семья из четырех поколений играла существенную роль в функционировании механизма королевской власти, практически исключавшего наследование по прямой линии и обеспечивавшего выбор наследника среди ближайших родственников именно этого круга. Необходимо помнить, что все законодательные нормы, связанные с владением и использованием земель, постоянно ассоциируются именно с этими двумя узкими формами большой семьи, так что для дальнейшего изложения практически безразличны те или иные отношения преемственности в их развитии.

Вместе с тем законы затрагивают отношения собственности, касаясь вопросов о наследовании имущества в случае прекращения существования *geilfine* или *deirfbfine*. Здесь четко определены нормы наследуемого имущества, которые отходят к более широким кругам большой семьи. В законодательных сборниках мы встречаем множество указаний на то, что ответственность за действия (как уголовные, так и иные — обеспечение договоров и т. п.), совершаемые членами узкой формы большой семьи, в ряде случаев (невозможность для членов малого родового объединения нести материальную ответственность и ряд других) ложилась на членов более широких типов семьи, очевидно, уменьшаясь по мере отдаления от ее ядра. Соответственно этому определялась и доля наследуемого имущества. Законы рассматривают также случаи прекращения двух или более форм больших семей, так что в целом набор правил предстает достаточно сложным. Постоянно встречались случаи, когда определенный член *фине* при ее расширении переходил (иногда становясь главой) в новое подразделение того же типа и, следовательно, прибавлял к своим прежним обязанностям еще и новые.

Статус человека играл первостепенную роль во всех этих взаимоотношениях. Ведь именно в соответствии с ним определялась мера его участия в общественных процедурах, так что и для разных форм большой семьи подобного рода исчисление, уменьшаясь или увеличиваясь, постоянно присутствовало. Значение имели степень родства и статус, хотя *полным* (даже чисто количественно!) этот статус был лишь в пределах определенной, узкой формы большой семьи. Это вовсе не значит, что, вступая, так сказать, во внешние сношения — клиентные связи, договора и т. д., человек как бы «терял» определенную долю налично принадлежавших ему богатств, однако многие формы участия в жизни родового коллектива влекли за собой действия и ответственность, определявшиеся именно таким «частичным» статусом.

Законы, о которых подробнее речь пойдет ниже, регулируют и формы наследования внутри узкой формы большой семьи (если речь идет о земле, то практически исключительно внутри этой формы) в случае смерти одного из ее совершеннолетних членов. Так, если наследуемое имущество вообще могло быть разделено, все совершеннолетние члены семьи из четырех поколений могли претендовать на его долю, причем ее пропорциональная величина определялась целым рядом обстоятельств, включая близость к покойному, а также его удельным весом в общественном организме в соответствии со всеми теми критериями, которые определяли статус. Таковы основные существенные для нашего анализа характеристики большой семьи в древнеирландском обществе. Для рассмотрения отношений собственности и связанного с ними общинного уклада мы предполагаем дополнительно привлечь еще некоторый материал из надежных источников.

Прежде всего обратимся к валлийскому материалу. В настоящий момент нас интересует не столько углубление вопроса, сложного самого по себе, сколько подтверждение основных черт социального устройства древней Ирландии, определяющих наше дальнейшее исследование.

Источники, которые для этих областей кельтского мира хронологически, типологически и стадияльно не совпадают с ирландскими, все же не-

сут достаточно показательную информацию. Валлийские социальные нормы, в принципе так же как и ирландские, отличали полноправных соплеменников от «чужих» по происхождению. Человеку, чтобы он мог считаться полноправным членом общества, необходимо было: 1) иметь девять поколений предков, постоянно проживавших на определенной территории, или 2) если в каждом поколении устанавливались брачные связи с полноправной женщиной валлийского происхождения, ассимиляция могла считаться окончательной с четвертого поколения. Отметим сразу значение этого последнего пункта. Не вполне ясен вопрос о положении человека, находившегося, если можно так выразиться, на промежуточной степени ассимиляции, т. е. могущего считать за собой количество поколений меньше необходимого⁹. Автономное общественное объединение, практически эквивалентное ирландскому туату и называвшееся *gŷlad*, рассматривалось как высшая форма родового объединения, что было отражено и в его названии (*cenedl benbalard*). Переходя же к более узким родовым объединениям, мы можем констатировать наличие двух их основных форм. Одно из них, наиболее широкое, состояло из девяти поколений общего предка и представляло собой второй после племени автономный общественный организм. Как свидетельствуют источники, эта автономия находила свое выражение, в частности, в существовании зачатков публичных должностей, которые с очень незначительными отклонениями соответствуют данным ирландской традиции. Мы сталкиваемся с главой рода, мстителем и представителем рода во внешних отношениях. Требования, предъявляемые к главе такого родового объединения, касаются преимущественно его возраста. В Ирландии мнение законов на этот счет было достаточно противоречивым. С одной стороны, отмечалось, что при прочих равных условиях предпочтение отдается старшему (ALI, IV, p. 373) хотя встречаются и выражения, что «не зуб старости дает право на это» и т. п. Принцип *patria potestas* в ирландском праве уже не предстает в качестве незыблемого абсолюта.

Существенна параллель между ирландскими и валлийскими обычаями приема в родовое объединение людей, достигших определенного возраста. Подобно ирландскому *fer midboth*, до 14-летнего возраста не имеющему никаких прав на землю своей семьи (и более чем вероятно живущему вне ее, на воспитании — вспомним знаменитое место из Цезаря о том, что дети не показываются на глаза родителям прежде, чем будут в состоянии носить оружие), валлийский юноша в этом же возрасте вводится в свое родовое объединение, получая право владеть собственностью в виде земли и скота. Известно, что ирландское законодательство не предоставляло 14-летнему полных прав, хотя и оговаривало возможность владеть землей на основании нечетко определенного «партнерства», очевидно с полноправным родичем. Лишь с 21 года ирландец мог с полным основанием владеть принадлежащей ему частью земельной собственности со всеми вытекающими последствиями в отношении статуса.

В данном случае нет необходимости подробно выяснять отношения, возникавшие между господином (это понятие у валлийцев, как и в Ирландии, могло покрывать различные реалии — от человека, стоящего во главе территориального объединения, до главы более или менее узкого родового коллектива и вступающим в свои права членом большой семьи). Необходимо, однако, предостеречь от существенной ошибки, долгое время

⁹ Уместно вспомнить выражение ирландских законов по поводу *innfine*: «*innfine* простирается до семнадцати человек, они делят между собой по праву любую часть земли, остающуюся как *dibadh* (земля, остающаяся после распада родственного семейного образования. — С. III.). Отсюда уже дело туата, здесь кончаются родственные отношения» (Ancient Laws of Ireland. Dublin — London, 1865—1904, ed. by Hennessy etc. (далее — ALI), IV, p. 283). Можно предположить, что лишь принадлежность к определенным формам родственного объединения обеспечивала положение полноправного соплеменника, хотя из него не исключались люди, находившиеся, в некотором роде, в промежуточном положении.

порождавшей неверные теории у исследователей *ирландского права*. В любом случае и несмотря на многочисленные неясные детали описанного выше социального установления, речь, как и для ирландского *céle*, может идти не об осуществлении типично феодального принципа держания земли, а скорее о распространенном именно в родовом обществе принципе связи родовых членов объединения между собой и с главой этого объединения. Кроме того, и для истории Ирландии это чрезвычайно важный момент, фигурирование земли в качестве предоставляемого богатства было ограничено определенными статусами и представляло собой с точки зрения составителей законов сравнительно недавно возникшее явление. Вопрос о различии ирландских норм от феодального держания был подчеркнут и исследован Мак Нейллом¹⁰.

Теперь необходимо рассмотреть более узкую форму существовавшей в валлийском обществе родовой организации, типологически соответствующую упоминавшейся выше ирландской *geifine* и включающую четыре поколения общих предков. Памятники применяют для ее обозначения термин *wele* или *gwely*. Прежде всего необходимо отметить, что, как и в ирландском праве, большая семья из четырех поколений была предельно широким организмом, внутри которого происходило наследование имущества. Законы, а также другие документы¹¹ детально предусматривают правила наследования в случае смерти члена *wele* и, в частности, процедуру раздела земли между представителями одного поколения, т. е. братьями, двоюродными братьями и, наконец, даже внуками общего предка. Один из документов, достаточно характерный в интересующей нас связи¹², описывает процесс раздела имущества¹³ между братьями. Как и многие другие памятники, он, хотя еще и не позволяет ничего сказать о характере земельной собственности, показывает существование (как и в Ирландии) теснейшей связи между семьей из четырех поколений и занимаемой ею землей (ирл. *fine* и *finbu*, валл. *wele* и *tir gwelawc*). Дальнейший анализ должен прежде всего ответить на вопрос о том, каков был характер владения (или прав оккупации) большой семьей всего комплекса используемой ею земли, какие факторы определяли разнообразные права внутри нее самой на доли земли и как соотносилась занятая семьей земля с остальным общеплеменным фондом. Чтобы правильно ориентироваться в этих вопросах, нельзя упускать из виду одну деталь, а именно, двусторонний процесс выделения из первоначальной (конечно, условно, так как любая данная большая семья может быть принята за точку отсчета) большой семьи новых единиц того же порядка, которые тем не менее до определенного предела не противоречили существованию первоначальной формы. На практике дело обстояло таким образом, что в случае смерти общего предка, главы *wele*, сыновья (как и в Ирландии) становились главами новых *wele*, хотя еще и не происходило раздела между внуками умершего. Таким образом, термин *tir gwelawc* может относиться ко всему комплексу земель, обеспечивавшему существование выделившимся, но еще не окончательно отделившимся родственным организациям.

Мы видим, что в целом ряде существенно важных социальных установлений (наследование, приобретение полноправного статуса, а также ряд других) родовая группа, включавшая четыре поколения, общего предка,

¹⁰ *MacNeill E. Early Irish Laws and Institutions. Dublin, 1935.*

¹¹ См. *Seebahn F. Tribal System in Wales. L., 1904.*

¹² См. *ibid.*, *Dimetian Code.*

¹³ «Когда братья делят наследственную собственность между собой, младший получает главный *tyddyn* (дом с прилегающими постройками) отца и все строения его отца и восемь *erws* земли... Затем каждый брат получает *essydup* (дом) с восемью *erws* земли, и младший сын должен произвести раздел, а затем братья выбирают по очереди, и ачиная со старшего по порядку возраста. Третьи то же наследство может быть разделено между тремя степенями родства, т. е. между братьями, двоюродными братьями и троюродными братьями; после этого больше нет раздела земли» (*ibid.*, p. 85).

имела главенствующее значение. Уже это должно было бы предостеречь от признания за ирландской *фине* подобного типа лишь характера юридической абстракции. Рассмотрение некоторых других проблем позволит нам, как мы надеемся, более определенно высказаться на этот счет.

Разные формы большой семьи в Ирландии несли разные типы ответственности за действия их членов. Теоретически глава *фине* (*agaе fine*) был ответствен за все обязательства как договорного, так и уголовного характера, касающиеся членов семьи. Однако очень рано появилось отраженное в законах право требовать возмещения за действия, совершенные членом *фине*, от ближайшего к нему по родству¹⁴. Общая ответственность такого характера, все более теряя свой экономический характер, распределялась между расширяющимися кругами *фине*. В отношении самых тяжелых проступков и преступлений действовал принцип: «чем тяжелее проступок, тем более широкой должна быть ответственность». Один ирландский трактат говорит: «Deirgfine та, что пролила кровь, от нее не идет *díbadh*, она не получает части племенной земли, хотя она платит за преступления своих родичей». Здесь прямо подчеркивается отсутствие чисто экономических связей внутри объединения такого рода. Тем не менее, хотя вряд ли это можно установить достоверно, нельзя отрицать, что связи такого рода были возможны на более ранней ступени развития общества, главным образом при господстве скотоводства в системе хозяйства. Более того, связи эти все же сохранялись и в эпоху составления законодательных сборников в виде элементов общинных отношений. Все же в рассматриваемое нами время основной экономической единицей была узкая форма большой семьи.

Переходя к вопросу о земельной собственности внутри большесемейного объединения, нельзя упускать из виду данные об ирландских статусах. В самом деле, система статусов демонстрирует принципы, пронизывающие все отношения внутри ирландского общества, — все в нем зависело от *меры* отношений, в которые мог вступать член коллектива. Мера же эта в конечном счете сводилась к богатству, объему ценностей, предельно детально описанных законами для каждого данного случая. Прежде всего, речь, идет, естественно, о скоте. Вся эта направленность ирландского законодательства не раз заставляла исследователей видеть за ним общество, издавна и хорошо знакомое с институтом частной собственности. При ближайшем рассмотрении выясняется, что не только материальные ценности, выраженные в скоте, могли менять своих обладателей — в определенной степени это действительно и когда дело идет о земле. Вместе с тем существуют указания, что пользование земельной собственностью в пределах *фине* безусловно контролировалось. Сопоставление этих двух факторов, с одной стороны, документально засвидетельствованных прав коллектива на землю (о характере этих прав, определяющих само существо проблемы, мы скажем ниже) и, с другой, возможности или, лучше сказать, неизбежности, с которой индивидуальные человеческие действия определялись и определяли объем его собственности, — и приводит к противоречию, которое заставило столь крупного ученого, как Мак Нейлл, и некоторых других квалифицировать собственность внутри *фине* как коллективную, но безусловно частную¹⁵. Само это определение может показаться несколько непоследовательным, но ниже мы постараемся прежде всего проследить, есть ли в нем противоречивость, и какого рода. Вопрос этот, по нашему мнению, и есть вопрос об общине, вовсе не снимающийся протестом против несколько наивного коллективизма «клановой теории», исходившей из якобы господствовавшей изначально общей собственности на землю в пределах клана — племени.

Когда мы выше давали общую характеристику валлийской большой семьи и ее связи с типом земельной собственности, то замечали, что ир-

¹⁴ См. *Binchy D. A. Distraint in Irish Law.* — *Celtica*, X, 1973, p. 22.

¹⁵ См. *MacNeill. Phases...*, p. 114.

ландский материал дает нам обширные параллели данной форме социального устройства. Пришло время обратиться к этому вопросу подробнее. Среди ирландских документов законодательного характера мы выбрали трактат *Corus Bescna*, позволяющий получить наиболее полное представление о правах и обязанностях членов большой семьи в отношении земельной собственности (перевод ирл. *фине* английским термином *tribe* «племя» безусловно неправилен, хотя и принят издателями ALI). Здесь, как и во многих других случаях, мы имеем дело с разнородным целым, слагающимся из собственно текста (наиболее ценная и наименее объемная часть), а также примыкающих к нему глосс и комментариев. В проблематике текста отразились те глубокие изменения в сельском хозяйстве Ирландии, которые произошли в V—VIII вв. и вызвали перестройку многих типов социальных отношений; при работе над ней легче учесть поздние нагласования и отделить их от архаических слоев. Кроме того, поскольку многие черты социального строя Ирландии, связанные с земледелием и землепользованием, существовали на протяжении столетий, их значение было понятнее более поздним комментаторам законов, чем смысл многих других разделов. Естественно, что это не исключает наличия многочисленных искажений, связанных с трудностями истолкования неясной для них терминологии и процедур.

Трактат *Corus Bescna* посвящен собственно выяснению законных обстоятельств заключения различных договоров и сделок, что, как понятно из сказанного выше, непосредственно затрагивает основы большесемейного объединения. Действительно, составители этого трактата сочли необходимым предпослать основной части ряд положений общего характера, описывающих устройство *фине* и взаимные обязанности ее членов. Из них мы узнаем, что вся семья обязана поддерживать каждого ее члена, а одной из главных обязанностей членов *фине* признается забота о ее собственности. Оговоримся, что пока приходится употреблять этот термин в достаточно условном смысле, который может проясниться, лишь когда набор признаков, связанных с этим институтом, будет достаточно полным. Обязанности эти проявляются следующим образом. Родич не должен совершать зла по отношению к кому-либо из родичей (убивать, ранить, грабить) и, особенно подчеркивают законы, расхищать земельный фонд большой семьи. В случае если к доле, полученной им как членом *фине*, в течение его жизни ничего не прибавлялось (законы употребляют слово «приобретать»), то долг человека не уменьшать ее, не быть грабителем большой семьи. Даже если человек и не «в достатке», то такие действия все же не поощряются, так как «любой будет в достатке, кто хранит свою семейную землю такой, какой она досталась ему, кто не оставляет на ней больших долгов, чем он нашел на ней» (долги могут иметь самое разнообразное значение, складываясь из суммы многочисленных возможных для владельца имущества обязательств, — ALI, III, p. 54). Требование не отягощать семейную землю, «внутренний мир» своей семьи внешними обязательствами красной нитью проходит сквозь текст законов (ALI, III, p. 52). Если же в противоположность такому правильному поведению, как узнаем мы из другого памятника, владелец вовсе лишается своей земли, то это автоматически превращает его в «чужого» по отношению к своей *фине*.

Уже намеченное здесь отношение членов родового коллектива к занимаемой им земле было совершенно справедливо замечено и акцентировано Ф. Энгельсом при его работе с древнеирландскими памятниками (что тем более удивительно, так как в период изучения ирландских законов он располагал лишь двумя первыми томами их издания и, следовательно, не мог быть знаком с рассматриваемым нами текстом, повторяем, наиболее характерным в этом отношении). Доступные в настоящее время исследователям новые материалы позволяют углубить и полнее обосновать такую постановку вопроса.

Какое же место занимали большесемейные земли во всем комплексе

используемых земель? Видимо ¹⁶, весь этот комплекс уместно разделить на пять частей: 1) земля, служащая источником дополнительного дохода вождю, притом лишь на то время, пока он исполнял эти функции; 2) собственность людей, полученная ими разнообразными путями, т. е. кроме семейного надела, причем такие владельцы принадлежали большей частью к благородным статусам; 3) племенная земля, распределявшаяся между большими семьями; 4) фонд необрабатываемой земли, находившейся в совместном пользовании всей группы родовых коллективов, — пользование ею, однако, было регулируемо, как кажется, не в пределах туата, а групп более мелких родовых коллективов; 5) свободные земли, до поры не используемые в хозяйстве. Земли, входящие в первую и вторую категории, чаще всего становились объектом временного пользования со стороны разных групп свободного и полусвободного населения. Необходимо отметить и особенно подчеркнуть следующее: на большей части территории Ирландии качество земли, пригодной для обработки, и сейчас, как и в древности, может оцениваться гораздо выше среднего уровня. Кроме того, земли, входящие в пятую из намеченных категорий, в интересующую нас эпоху (т. е. во время составления законодательных трактатов) были еще весьма обширны, что тем более очевидно для более древнего периода ¹⁷. Эти факторы, как показывают многие сравнительные исследования общинного уклада у разных народов, значительно влияли на один из традиционных признаков общины, а именно, периодический передел земли между ее ленами.

Отметив коренные, с точки зрения составителей трактата, основы устройства большой семьи в ее отношении к земле, мы должны очертить круг законных форм пользования и отчуждения имущества, регистрируемых законом. Здесь, как и везде, понятия объекта и субъекта определенной процедуры неразрывно слиты — лишь определенные люди могут выступать в таких операциях полноправно и обратно, сам факт участия в подобной сделке подразумевает личность полноправного человека. В том или ином смысле «неполноценные» люди (нередко в прямом смысле — чисто количественно, материально не располагающие полным обеспечением прав в силу временного их отчуждения или полной потери по физическим или экономическим причинам) включают в себя несвободных держателей ¹⁸, умственно неполноценных ¹⁹, женщин, несовершеннолетних, а в ряде случаев даже и совершеннолетних сыновей, и др. Все они, если затрагиваются их материальные интересы, должны сопровождаться людьми, под чьим покровительством они находятся. Остальные члены коллектива могут выступать независимыми участниками разного рода легальных процедур, охватываемых и регулируемых так называемым «законом племени» ²⁰.

¹⁶ См. работу *Joyce D. Social History of Ireland. L., 1927, p. 14*, в классификацию которого, в целом справедливую, нами были внесены некоторые изменения.

¹⁷ См. обстоятельное исследование: *O'Donovan. The Economic History of live-stock in Ireland, 1940, p. 5*.

¹⁸ Прежде всего *Daer-chéle* — перевод этого термина как «держатель» существенно искажает смысл этого института и используется нами за неимением лучшего.

¹⁹ Со свойственным ирландским законом некоторым «педаантизмом» выделяется множество признаков этой неполноценности, каждый со своими оттенками.

²⁰ *Corus thuathe*. Он делится на *Corus feine* и *Corus fire*, смысл которых должен быть понятен из вынесенной выше терминологии. Трактат перечисляет содержание «закона фиев», называя среди его разделов пункты о «совместной обработке земли, брачных связях... предоставлении в пользование, равных благах, приобретениях, контрактах» и т. д. Под действие «семейного закона» попадают исконные члены родового коллектива, а также «те, кого они приняли среди своих». Исконные члены коллектива, по глоссе, есть «их сыновья и внуки», а принятые в него те, кого называют «их иноплеменниками и посланными в море» (быть может, речь идет о принявших участие в эмиграции). Источником обоих разделов, по утверждению составителей сборника, является сочетание «природного закона» (господствовавшего в Ирландии до прихода христианства) и слившегося с ним «закона буквы». Природный закон определяется как закон «справедливых людей», очевидно полурелигиозной, полуюридической группы, известной и для Ирландии исторического времени. Подчеркиваем, что для иссле-

«Закон племени» делился еще на две части (или комплекса) установлений. Одна из них регулировала отношения между полноправными членами коллектива туата (для нашей работы все установления этой части совпадают с «законом племени»), другая же — взаимоотношения членов *фине* и прежде всего — раздел земли между ними.

Примыкающая к отрывку о содержании «племенного закона» глосса определяет *фине* через *grin*, т. е. использует термин, обозначающий исконных владельцев земли. Добавим, что и сама земля *фине* считалась «исконной», что имеет два объяснения: первое скорее мировоззренческого порядка, второе — отличающее эту землю от вошедших вскоре (перед эпохой составления законодательных сборников) в хозяйственный оборот ранее необработанных площадей, имевших особую судьбу, о которой мы скажем ниже. *Фине*, таким образом, предстает основной единицей, осуществляющей права на землю, землю предков. Неоднократно в древнеирландских текстах встречаются разделы, утверждающие единство и взаимосвязь членов родового коллектива, прежде всего в том, что касается любых юридических процедур и облакаемых ими социально-экономических отношений. В этом смысле можно считать очень характерным место из *Cain Aigillne*, где большая семья уподобляется телу, согласно защищающему своих членов, глава же ее сравнивается с направляющей действия тела головой (ALI, II, p. 278).

Тот же документ более детально рассматривает отношения сородичей к имеющейся у них части большесемейного фонда земли, а также те права, которыми сородич располагает в смысле контроля над судьбой всей этой земли в целом. Он не должен продавать ее (именно подобные установления, по нашему мнению, неправильно поняты многими исследователями, навели их на неверные мысли об ирландском общественном устройстве), отчуждать, скрывать или отвечать ею за преступления, как свои, так и чужие. В этом последнем случае *фине* принимала коллективные меры, стремясь предохранить свой фонд. Выполняя эти нормы, член родового коллектива в то же время имеет права отвергать любые договоры или обязательство своих сородичей, за чьи преступления, обязательства, земельные дела и прочие элементы социальной практики он отвечает (ALI, II, p. 282). Как полагали составители сборников, для людей, несущих немалую, естественно, и материальную ответственность за преступления и юридические отношения сородичей, необходимо пользоваться долей их экономического благосостояния. Этот общий принцип, в более изощренной форме действительный для более поздних типов общинных организаций, в ирландских законах выступает достаточно явственно. Законы перечисляют самые многообразные типы сельскохозяйственных продуктов, на которые вне каких бы то ни было специальных юридических отношений имеют право родственники. Детали этой интересной процедуры, к сожалению, остаются нам неясными. Любой член *фине*, как утверждают законы, равноправно (т. е. в соответствии со своим правом, статусом, материальной обеспеченностью и т. д., хотя в некоторых случаях, касающихся безусловно жизненно важных для *фине* обстоятельств, наблюдалось именно *равно-*

дователя, особенно старающегося проникнуть в смысл архаических установлений, не может быть безразлично отношение составителей законодательных сборников к имеющемуся в их распоряжении материалу, особенно в свете некоторых адресованных законам критических замечаний, к которым мы обратимся ниже. Текст утверждает, что в языческой Ирландии царствовал закон природы и «закон пророчества» (*recht fainde*), неразрывно связанные друг с другом и вместе образующие собственно «брегонские законы». Составители отмечают также, что законы эти были весьма совершенны и не нуждались в существенных добавлениях и изменениях, кроме того, что касалось веры и связанных с ней обязательств. «Закон буквы», кроме того, уничтожил лишь «излишнюю жестокость», характерную для брегонских законов. Любопытно также и утверждение, что в природном законе содержалось многое, не вошедшее в писанные установления. При явном оттенке позднейшего осмысления все эти моменты не лишены интере-

праве) участвует во всех затрагивающих ее интересы внешних отношениях, а также и в коллективной ответственности за действия ее членов. Наличие земли и сам факт членства человека в определенном коллективе были практически идентичны и могут быть признаны некоторой точкой отсчета жизни и деятельности любого человека.

Законы порицают любые операции с землей, идущие во вред интересам *фине* и, прежде всего, ведущие к уменьшению ее земельного фонда. Трактат, посвященный так называемому «свободному» клиентству²¹, устанавливает положение, по которому любой, тайно отчуждающий собственность *фине* вовне, наказывается состоянием «несвободного» клиентства. Слово «наказывается» в современном понимании, как нам кажется, несколько затемняет смысл закона, который подразумевает скорее, что сам факт такого поступка, т. е. отчуждения части земли предков, неизбежно даже не влечет за собой какого-либо публичного наказания, а сам по себе эквивалентен отнятию у человека не части его статуса, а именно положения свободного человека. Мы видим, как постепенно, параллельно с отношениями зависимости типа клиентских возникает дополнительное, но не менее важное ощущение жизненных, т. е. общих для любого статуса и формы зависимости, критериев существования человека — здесь важны его принадлежность к родовой организации и, следовательно, пользование определенным участком земли.

Однако сам факт отчуждения земли по ирландским законодательным установлениям представляется совершенно законным и вне всякого сомнения нередко встречался в действительности. Конечно же, ему соответствовали и постоянные возможности увеличения земельного фонда членов родового объединения. Нормы и правила отчуждения, прежде всего ограничивающие круг лиц, независимо допускаемых к такого рода процедурам (см. выше), складываются и из ряда других важных положений. Обратимся опять к *Corus Bescna*. Здесь, когда речь заходит об отчуждении земли, сразу же устанавливаются жесткие ограничения. Суть их сводится к оценке операции отчуждения, принимая во внимание соотношения у отчуждающего семейной и приобретенной земли. С точки зрения дальнейшего исследования этот пункт представляется очень важным. Мы узнаем, что тот, кто приобретал землю, может отчуждать сколько ему угодно и без чьего бы то ни было согласия из добытого им самим, оставляя семейную долю нетронутой (либо, как добавляет составитель трактата, часть другой земли после себя для пополнения *финтиу* — семейной земли)²². Часть земли, изначально находившаяся в пользовании человека, в другом месте называется «наследственной землей». Член *фине* при определенных обстоятельствах мог распоряжаться также и ею, но в любом случае, как мы видели, не «тайно». Обстоятельства эти были весьма многообразны, и в настоящий момент мы не можем исчерпывающе их рассматривать, а ограничимся лишь существенными для изложения фактами.

Трактат говорит, что родичи (часто называемые *comarba* — «сонаследники» от *marb* «мертвый»), которые сохраняют семейную долю нетронутой, и те, которые ее увеличивают, по отношению к земле отцов (т. е. как бы с внутренней точки зрения) не различаются, а различаются лишь в смысле ее отчуждения. Если человек сумел прибавить к своей наследственной земле небольшой участок, то при некоторой необходимости он может передать его вовне без согласия других, а если обстоятельства сложатся таким образом, что этой части ему будет недостаточно, то он может распоряжаться и семейной землей, пока этот объем не превысит ее трети и обязательно

²¹ ALI, II — *Dalrráth cach tathlu sech fine*, что можно приблизительно перевести как «каждый, тайно отчуждающий вовне собственность *фине*, наказывается состоянием *doerath*».

²² Хотя дело и не было столь простым, так как семейные земли должны были быть сконцентрированы все вместе, находиться на «центральной» земле, подальше от границ, где они могут стать предметом спора или захвата. Подробнее см. ниже.

«после получения согласия» (ALI, III, p. 48). Тот же, кто приобрел мало и в похожем случае распорядился без достаточного основания, лишается в дальнейшем свободы действий вне зависимости от обстоятельств.

Обстоятельства эти, в достаточно общей форме (так как нюансы процедуры в данном случае не касаются существа вопроса), могут быть следующими: «Человек может отдавать свою землю в четырех случаях: в связи со своими законными обязательствами, как ответственность за свое тело, как дар церкви за здоровье своей души и для поддержания его в старости, и тогда он отдает семейную долю, а не долю главы или церкви» (ALI, III, p. 46). Это положение требует пояснений. Первые два пункта достаточно понятны — речь идет об обязательствах, которые будут рассмотрены ниже и касаются таких случаев, как возмещение за проступки при контрактах о совместной обработке земли и пр., а также ответственности за уголовные преступления. Поддержание в старости обычно обеспечивалось за счет передачи доли семейной земли кому-нибудь в пределах самой *фине*, чаще всего сыновьям. Все же, если по каким-либо причинам сами члены семьи отказались или не могли исполнять такого рода обязанности, человек, правда на условиях временного договора, мог вступить в соглашение и с членом чужой *фине*. Другой пункт, а именно передача земли церкви, кроме конкретных замечаний, требует пояснений более общего характера. Как отмечалось издателями корпуса ирландских законодательных текстов, а также одним из первых его комментаторов²³, статьи закона, регулирующие процедуру отчуждения, имели дело в качестве контрагента преимущественно с церковью. Наше объяснение этого факта совпадает с мнением только что упомянутого исследователя. Было бы невозможно согласиться с тем, что интересующие нас социальные установившиеся исключительно по отношению к церковной организации, хотя и совершенно естественно, что сама эта организация стала в Ирландии своего рода катализатором развития этих норм. Исходя из этого, мы и в дальнейшем будем предполагать, что применительно к нашей проблеме мы имеем дело, быть может, с наиболее чисто выраженным типом интересующих нас отношений, однако зародившихся под влиянием иных причин и в иной сфере, на которую так же в полной мере распространялось их действие.

Нормы, касающиеся допустимого размера отчуждаемой земли, для каждого данного случая усложнены настолько, что дать их связную картину вообще вряд ли возможно (частично это положение может измениться с появлением канонического издания законов с четким разделением всех страт корпуса). Тем не менее многие их черты достаточно понятны. Мы часто сталкиваемся с выражением «треть большой семьи» — *trinn fine*. При любых обстоятельствах и вне зависимости от юридического казуса, влекущего за собой материальную компенсацию, человек был обязан сохранить минимум треть доставшейся ему семейной земли нетронутой. Это считалось «правом *фине*»²⁴. Выделяя случаи «малой» и «большой» необходимости, законы предписывают в первом из них распорядиться своим приобретением и двумя третями, т. е. опять же оставляя треть земли нетронутой²⁵.

Земельные участки могли отчуждаться, чаще всего временно, и в пределах семейной территории. Происходило это обычно между ближайшими родственниками (законы говорят почти исключительно об отношениях между отцами и сыновьями), из которых кто-либо, достигнув преклонного возраста или по каким-либо иным причинам, потеряв возможность обес-

²³ Речь идет о Г. Мейне, см. *Maine G. Lectures on the Early History of Institutions*. Port Washington, 1966.

²⁴ «... но так, чтобы он оставил их право семье (членам *фине*) целиком и полностью, т. е. одну треть», — читаем мы в одной из глосс (ALI, III, p. 14).

²⁵ Здесь имела большое значение ограниченность сделки пределами большой семьи, либо выход ее за эти рамки, что значительно меняло меру ответственности (ALI, III, p. 50).

печивать себя со своего участка, передавал его другому, чтобы тот «поддерживал», «обеспечивал» его. Закон (ALI, II, p. 52) предусматривает и сохранение права отца отнять земельный участок у сына, если тот не выполнил взятых на себя обязательств. В этом случае он мог повторить ту же операцию с членом более широкого семейного объединения (в частности *innfine*) или с человеком «внешней» семьи. По всей вероятности, в этом последнем случае после смерти исконного владельца земля возвращалась в семейный фонд, однако есть основания полагать, что в случае внутрисемейной сделки земельный участок переходил к сыну или другому ближайшему родственнику, добросовестно выполнявшему взятые на себя обязательства. При специфике переделов земли внутри ирландской *фине* и процедур наследования, о которых мы скажем ниже, эти договоры имели свое значение в распределении земельного фонда внутри большой семьи. Все же для нас осталось неясным, была ли эта черта архаичной и какое влияние она оказала на историческое развитие ирландских родовых организмов. Очевидно лишь, что в период редакции законов и особенно составления глосс и комментариев подобные казусы были весьма распространены (учтены многочисленные случаи перехода вместе с землей лежащих на ней обязательств, — которые не нужно смешивать с более поздними феодальными институтами, — не лежавших на ней в момент получения первоначальным владельцем, и отказы в этих случаях от исполнения договора и многое другое). Таково в существенных для нашего изложения чертах было отношение *фине* к занимаемой ею земле и нормам ее использования. В настоящий момент уместно добавить лишь, что вопреки бытовавшим в свое время утверждениям, что отсутствующие в ирландском праве (в противоположность большинству народов на архаической стадии развития) религиозные церемонии магического характера, связанные с владением и передачей земельных участков, характеризуют его как менее архаическое и хорошо знакомое с институтом частной собственности, законами засвидетельствованы такие установления²⁶. Само по себе это, однако, ничего не говорит о характере собственности. Ниже мы еще вернемся к земле *фине* — *финтиу* и связанным с ней проблемам, сейчас же необходимо обратиться к другим вопросам.

Исходной точкой для дальнейшего исследования будет постоянно проводящееся в законах различие между участком семейной земли, находящимся во владении родича, и «приобретенной» землей, пользование которой регулировалось особо. По нашему мнению, именно здесь лежат корни исторических противоречий, характеризовавших ирландское общество того времени. Эта «приобретенная» земля может явиться своего рода хронологическим показателем и в отношении анализа законодательных трактатов и для исторического развития вообще.

Скотоводство издавна было основным занятием жителей Ирландии, но, вопреки единодушному мнению античных авторов о неблагоприятности климата страны для земледелия²⁷ (игравшего действительно подчиненную роль в их время), оно начало бурно развиваться приблизительно с V—VI вв. Проследить ход этого процесса весьма непросто, особенно по ирландскому законодательству, с его сочетанием архаических и более поздних черт. Нам важны, прежде всего, последствия этих событий для социальной структуры общества. Сравнительное обилие необрабатываемой, но пригодной для земледельческого труда земли делало ее цену сравнительно со скотом невысокой даже в период редакции законов. Об этом достаточно ясно свидетельствует трактат *Fodla tire* (ALI, IV). Скот по-прежнему сохранял свою роль мерила общественного положения человека и основной ценности. Вопреки убеждению некоторых исследователей, частная собствен-

²⁶ См. текст в ALI, IV, p. 2—64, явно очень архаический и описывающий процедуру «вступления» — *tellach* — человека на участок земли, принадлежащий ему по тому или иному праву.

²⁷ См. *Kenney J. Sources for the Early History of Ireland*. N. Y., 1967, part I.

ность на скот сложилась гораздо раньше, чем на землю, и за счет неравенства богатств общественное расслоение было уже достаточно ощутимо. Естественно, что это не могло не сказаться на дальнейшем развитии экономики. Оценка основных его этапов (прежде всего в плане отношений собственности и пользования землей) во многом зависит от принятой тем или иным исследователем исходной точки. Мы уже говорили, что, по нашему мнению, совершенно неправильно считать таким исходным собственником все племя, *туат*, для чего нет *никаких* оснований в текстах известных нам документов. Такая позиция начинается с исторических обобщений, вместо того, чтобы прийти к ним в результате анализа, исходным моментом которого непременно должно быть понимание социальных отношений с точки зрения их непосредственных участников. Конечно, при господстве скотоводства в системе экономики большая часть земель племени находилась в общем пользовании под выпасами, хотя и те использовались на основании соглашений между несколькими основными хозяйственными ячейками — *финами*. Это положение в значительной степени сохранялось и позже, но приверженцы неправильной точки зрения, отмеченной нами выше, говорят о собственности всего племени на землю, не учитывая того, что само выражение «вся земля» имеет лишь видимость смысла, и не учитывая той черты мировоззрения эпохи, которая определяла несравнимость различных категорий земель. Теряя землю на территории большой семьи, человек в буквальном смысле терял самого себя, в то время как отношение к другим используемым категориям было совершенно иным. Тем самым и все отношения владения землей могли регулироваться лишь в пределах большой семьи. Прежде чем мы остановимся на этом вопросе подробнее, отметим, что не нужно забывать, что если встать на точку зрения самих ирландцев или, более конкретно, составителей законодательных трактатов, то с полным правом мы можем утверждать лишь следующее: определенные формы общегития были *границами* определенного рода отношений, что, если не исходить из предвзятых позиций, уже достаточно много.

Так, все вопросы операций отчуждения и пользования землей решаются лишь в пределах и с точки зрения *фине* (причем, как мы видели, здесь ясно различается «внутренняя» и «внешняя» направленность), в то время как, скажем, процедуры обработки земли и некоторые другие имеют более широкие рамки. Все это необходимо постоянно иметь в виду при оценке критерия *отчуждения* земельных участков, которым часто оперируют исследователи. От правильной постановки этого вопроса зависит решение и такой кардинальной для изучения общинного устройства проблемы, как проблема «верховного контроля» (можно найти и другое определение) общины над ее землями, и, соответственно, вопроса о принципе собственности внутри нее (ее трудовой характер). Однако для понимания социально-экономических условий развития ирландского общества того времени нужно более подробно рассмотреть развитие хозяйства. Здесь мы будем вынуждены снова коснуться уже затронутых нами вопросов о расслоении свободного населения и системе клиентных отношений, правда, под особым углом зрения.

Итак, мы повторяем, что частная собственность на скот была хорошо известна Ирландии архаического периода и не могла не оказать влияния на дальнейшее развитие экономики. Буквально каждый параграф ирландских законов упоминает те или иные породы домашних животных, причем немалое место среди них занимают те, которые использовались при обработке земли.

В свое время было сказано, что свидетельства документов, лежащих вне корпуса законодательных текстов, по интересующему нас вопросу в целом могут быть признаны крайне ограниченными. Среди них мы встречаем некоторые, быть может, и не вполне историчные по существу, но, тем не менее, дающие в целом верное представление о важных деталях.

Так, одна рукопись сообщает ²⁸, что до времени сыновей Аэд Слане (последняя треть VII в.) земли Ирландии не были размежеваны и народ не строил границ между полями из камня или другого материала. Границы эти возникают, таким образом, явно в связи с переменами в экономической жизни, хотя еще и в то время, когда проблема нехватки обрабатываемой земли не стояла. В интересующее нас время, когда существовали еще весьма широкие возможности оккупации пустующих земель, мы встречаем в законах свидетельствования того, что ранее всего основные и обжитые их части находились в руках свободных членов родовых коллективов ²⁹. Однако имущественное расслоение, зашедшее к тому времени достаточно далеко, сделало положение свободных общинников гораздо более сложным. Значительная их часть не располагала достаточными средствами для независимого ведения хозяйства. Это общее положение влекло за собой ряд последствий: изменение характера института клиентства в сторону новых форм зависимости, пауперизация ряда категорий населения (однако медленная и не сыгравшая в масштабе общества значительной роли), появление новых форм общинных отношений (частично за счет трансформации уже существовавших). Всему этому противостояла консервативная тенденция сохранения родовых объединений, разрушавшихся крайне медленно, хотя и менявших свой характер. Одним из важнейших результатов этой последней тенденции было поддержание в пределах общества баланса между новым и более древним слоем общинных отношений (выражение «слой» достаточно условно, его содержание будет раскрыто ниже). Здесь мы несколько предвосхитили конечные выводы исследования. Вот каковы основные черты этого процесса и некоторые признаки, по которым мы можем судить о нем. Прежде всего, это ряд характерных моментов, уже упомянутых нами выше в другой связи. Так, законы о статусах фиксируют, видимо, сложившиеся за короткие исторические сроки прослойки населения нового типа. В качестве примера можно привести статус *окауре*, о котором сами законы недвусмысленно утверждают, что необходимость в его выделении обнаружилась сравнительно недавно. С другой стороны, по степени внимания составителей законодательных сборников к этому статусу и по многим другим признакам мы можем с уверенностью считать его одним из самых широко распространенных в ирландском обществе того времени. Располагая всего одним быком, *окауре* не мог самостоятельно обрабатывать свой участок (считалось, что обычно на упряжку полагалось четыре животных, хотя чаще всего использовались два), но как утверждают законы, мог на основе свободного соглашения вести хозяйство совместно с кем-либо. Основная выделяемая в законах триада — *окауре*, *боауре* и *мруигфер* — во всех отношениях характерна для этого периода. Рискнув допустить некоторое упрощение, мы все же полагаем, что из них лишь статус *боауре* имел значение, не производное от других статусов. При попытке выяснения соответствия между этими статусами нельзя формально подходить к свидетельствам законов об их собственности и ее объеме. Но даже такой простой факт, что *мруигфер*, «человек земли», не упоминается в законах, посвященных землевладению и землепользованию, уже может навести на некоторые размышления. Нам кажется, что период составления законодательных сборников, со всех точек зрения характеризовавшийся серьезными переменами в социальной жизни, мог вызвать у занимавшихся этими вопросами юристов стремление к некоторой перестройке традиционных норм, будь то хотя бы схематические поиски соот-

²⁸ Речь идет о рукописи Lebar na Huidie, содержащей многие из самых архаичных ирландских текстов.

²⁹ По характеристике памятников (ALI, II, p. 12), это была хорошо орошаемая земля, владения предков, в центре занимаемой коллективом территории, подальше от ее границ — «там, где нет грабителей и приобретателей». По ряду признаков это место трактата можно отнести к древним (обозначение термином «феии» всех свободных, а не только низших свободных статусов, как позднее, и т. д.).

вотствий³⁰. В этом смысле предположения некоторых ученых³¹ о взаимоотношениях статусов *боаире* и *мруигфер* могут быть основаны на смешении реального положения вещей и их отражения в законах. Так, в качестве некоторого критерия отсчета в них могла возникнуть фигура *мруигфера*, т. е. человека, независимо распоряжавшегося *полным* количеством земли, в отличие от *окаире* и *боаире*, обладавших соответственно ее четвертью и половиной³².

Отмеченное нами выше следствие перемен в экономической жизни, а именно, усложнение форм зависимости и пополнение категорий связанных ими людей четче всего прослеживается по изменениям в институте клиентства. Два вида клиентного состояния, которые мы условно называли свободным и несвободным, претерпели за время своего существования немало перемен. Сравнивая данные ирландского права со свидетельствами об этом институте в доримской Галлии, мы убеждаемся, что ранние его формы в Ирландии в принципе мало отличались от описанных, скажем, Цезарем. Этот вид клиентного состояния соответствует свободному типу и сохранился в Ирландии до отразившейся в законах эпохи. Существуют два древнеирландских трактата (об обеих формах клиентного состояния), из которых мы черпаем основные сведения об интересующем нас предмете³³. Данный институт, восходящий к очень глубокой древности, сам по себе не может считаться индикатором имущественного неравенства и отношений эксплуатации. Пронизывая структуру ирландского общества буквально на всех уровнях, они уходили корнями к устройству и функционированию патриархальной семьи. Любопытно, что даже в рассматриваемую нами эпоху раздел о такого рода отношениях был включен в достаточно архаичный трактат о семейных отношениях (*Cain Lanamna*). Основой их была практика утверждения свободного члена общества в его правах через предоставление ему при достижении совершеннолетия определенного объема материальных благ для ведения независимого хозяйства и обеспечения материальной же ответственности за свое участие в социальной жизни коллектива, а также за нарушение принятых в нем норм. Если же мы посмотрим на этот институт в масштабе более широкого социального объединения, то характер его существенно меняется. Так, в законах, посвященных клиентству, мы находим отголоски ряда архаичных представлений. Устанавливая для обеих форм клиентства свободный выбор сторон как незыблемое условие их законности, трактаты вводят и некоторые ограничения. Так, член более широкого коллектива, а именно племени, уже не может отказать в принятии состояния свободного клиентства королю своего племени, для которого факт наличия большого числа клиентов обеспечивал прежде всего политические и военные, а не чисто экономические выгоды. Понятно, что первые с течением времени стали непосредственно влиять на последние и привели к сосредоточению в руках определенной прослойки племени отличавшего ее количества материальных благ и прежде всего скота. Этот процесс, по нашему мнению, соответствовал выделению из более или менее однородной массы населения

³⁰ Выше уже было достаточно ясно показано, сколь необходимо отличать язык описания законов, свойственный мировоззрению эпохи, от реального положения вещей.

³¹ См. *Binchy D. A. Crith Gablach*. Dublin, 1970, glossary.

³² Более того, признание некоторыми законами наличия у *окаире* земли в 21 кумал (больше, чем у *боаире*, который владел 14 кумалами; Д. Бинчи предполагал, опуская числительное «три», что надо читать — семь кумалов, и это дало бы ровное соответствие четверти и половине), что само по себе противоречиво, могло бы быть объяснимо из различия земель, находившихся в пользовании этих статусов. Большая часть земли *окаире* явно находилась за пределами той «центральной, хорошо орошаемой земли» и владений предков, о которых идет речь в одном из текстов. Так как известно, что стоимость земли варьировалась, исходя из многих условий, то это несоответствие может быть объяснимо. Все же ни то, ни другое предположение пока с точностью не доказуемо.

³³ ALI, II, *Cain Saerrath*, *Cain Aigillne*.

grad flátha — «правлящих статусов». С течением времени положение менялось. Уже на первый взгляд бросается в глаза несоответствие по объему трактатов, рассматривающих свободную и несвободную формы клиентства. Баланс здесь уже неоспоримо в пользу второй. Характеризующие ее разделы отличаются гораздо большей конкретностью и, если можно так выразиться, чувством реального наполнения юридических норм. Все источники сходятся в изображении представителей несвободного состояния как гораздо более многочисленной группы, чем свободные клиенты, определявшие ранее характер этого института. Технические характеристики положения несвободной группы столь многообразно представлены в законах, что их рассмотрение потребовало бы обширного исследования; с другой стороны, существенный характер данных социальных норм не раз освещался в научной литературе. Для интересующей нас задачи важно отметить следующее.

Процессу закономерной деградации определенных слоев населения противоречил ряд факторов. Некоторые из них коренились в самом общественном устройстве ирландского общества, другие были следствием более или менее сознательной оградительной реакции родовых коллективов. Процесс сосредоточения материальных благ в руках некоторых статусов общества вызвал к жизни ряд норм, направленных на предотвращение свободного доступа в их среду. Получение статуса в высшем слое общества требовало от *боаире* наличия материальных благ, вдвое превышающих по объему необходимые по квалификации данного статуса. С повышением роли богатства в жизни общества то же самое произошло и в низших статусах, в частности, в том, что касалось *окаире*. Но, несмотря на эти моменты, функционирование родовых коллективов было направлено на предотвращение полного выпадения своих сочленов из среды свободных, и, следовательно, могущих обеспечить свой статус людей. Даже самые несвободные формы клиентного состояния предусматривали сохранение независимого от влияния господина участка родовой земли и некоторого количества движимого и недвижимого имущества, дававшего индивиду возможность пользоваться правами члена общины и ее защитой. Всячески подчеркиваемый законами добровольный характер принятия человеком обязательств свободного и несвободного клиентства в реальных условиях был скорее юридической абстракцией, разрушавшейся под воздействием реальных экономических причин, определявших подобный выбор. С другой стороны, из существа законов видно, что возможность прекращения клиентного состояния могла реализовываться, естественно, с соблюдением всех оговоренных условий. Тщательная разработка как этих разделов, так и трактующих о размере и детализованном составе периодических выплат клиента, направлена на предотвращение возможности расширения эксплуатации лиц этого состояния за допустимые пределы. Если даже стремление законов к такой регламентации не полностью отражало положение вещей, то все же оно достаточно знаменательно. Однако у нас есть данные, заставляющие полагать, что своего рода «пауперизация» свободных членов коллектива постоянно имела место ³⁴.

С вопросом о роли клиентства в ирландском обществе, которое, как мы видим, не подрывало основ традиционной кровнородственной общины, тесно связан вопрос о положении племенной знати и, более узко, глав родовых объединений, которое интересует нас прежде всего с точки зрения землевладения и землепользования. И здесь важно рассматривать проблему в ее историческом развитии. По нашему мнению, обе крайних точки зрения, бытующие и до сих пор в оценке власти племенных вождей и глав других родовых объединений, не могут считаться справедливыми, что,

³⁴ Законы дают нам информацию о торжественной и сакрализованной процедуре исключения человека из родового коллектива. Она включала в себя как произнесение торжественных формул, так и своего рода «откуп» коллектива от исключаемого члена.

впрочем, было замечено уже давно. Ни та, которая стремится изобразить свободное население как с давних пор притесняемое вождями, ни та, которая изображает вождей всего лишь своего рода функционерами, получавшими за исполнение их обязанностей несколько большую долю земли и других богатств при полном контроле коллектива, не отражают реальности. Ни ссылки на распространенный обычай «постоя» или подчас обременительную натуральную дань, ни упор на строгую регламентацию привилегий знати не являются определяющими. Роль и функции глав общественных организмов на разных уровнях были довольно схожими и претерпевали схожую эволюцию. Сакральная роль как главы племени, так и глав более мелких организмов была значительна с древнейших времен и не потеряла значения даже в христианизированной Ирландии. Король же, кроме того, как мы узнаем из одной архаической поэмы юридического содержания³⁵, был гарантом прав всего коллектива на занимаемую им территорию, что выражалось прежде всего в соблюдении им правил раздела земли. Регулирование же землепользования в пределах большой семьи во многом зависело от ее главы. Власть и тех и других постепенно возрастала, прежде всего за счет сосредоточения в их руках значительных богатств и вытекавшего из этого увеличения количества так или иначе зависимых от них людей. В рассматриваемую нами эпоху одним из важнейших признаков главы родового объединения оказывается личное богатство. Его наличие было совершенно оправданно, так как прежде всего по этому критерию определялся социальный и юридический вес индивида.

Генри Мейн справедливо определяет положение вождей следующим образом: «Первое отличие благородных рангов естественно покоилось на мнении, что они неотделимы от чистоты и благородства происхождения, но благородное рождение всегда рассматривалось как связанное с богатством, и тот, кто заполучал его, постепенно занимал такое же положение, как то, что досталось бы ему по праву происхождения. Новым в этой системе представляется осознание знати как собственно статуса (в смысле определенного слоя, а не части системы статусов.— С. III.), глубоко коренящегося в структуре общества, но на практике всегда обновляющегося»³⁶. В последствиях роста богатства и влияния определенного слоя общества не было ничего неожиданного. Понятно, что во времена бурного развития земледелия и освоения новых площадей земли контроль главы родового коллектива над распределением земли в сочетании с практикой предоставления средств для ее обработки повышал его реальную власть и могущество³⁷. Обратной стороной этого было расслоение в среде свободных, хотя и важно помнить, что оно было вторичным и лишь обострило уже наметившиеся ранее противоречия. Выделение из традиционной кровнородственной общины ряда категорий людей (как сохранявших свободный статус — *окаире*, так и находившихся на пути от полусвободного к не-свободному положению — *фуйдири*), связанное прежде всего со сдвигами в ориентации экономики, хотя и не угрожало существованию этой общины, но со временем способствовало повышению эксплуатации и усилению позиций знати. Положение находившихся в клиентных отношениях слоев общества могло, естественно, только ухудшаться. Эти же причины приводили к тому, что значительная часть земли стала находиться хотя и под косвенным, но все же более ощутимым контролем глав родовых коллективов. Однако всего важнее отметить следующее.

Кровнородственные отношения с течением времени деформировались, но не распались, составляя древний, издавна определявший жизнь общества слой общинных отношений. Не на смену ему, а *рядом с ним* по-

³⁵ См. перевод текста: Шкунаев. Ук. соч., с. 132—133.

³⁶ См. Maine. Op. cit., p. 154.

³⁷ «Каждый вождь управляет своей землей, будь она велика или мала», — утверждают законы.

явился и новый слой — с характером скорее соседским, тяготеющим к сельской общине. Существенной особенностью ирландской социально-экономической истории было то, что оба эти слоя *существовали* в течение длительного времени, т. е., проще говоря, один и тот же человек (конечно, не лишившийся вовсе свободного состояния), будучи членом *фине* и имея землю на ее территории, в то же время вступал и в другие отношения с членами коллектива (или нескольких подобных коллективов), занимаясь сельскохозяйственным трудом на новых землях и на основе кооперации. Сравнительное равновесие между этими двумя укладами сохранялось в Ирландии крайне долго и, быть может, легло в основу многих представлений о застойности и архаизирующих тенденциях ее развития. Из сказанного ясно, какие трудности встают на пути определения существенных черт ирландской общинной организации и ее эволюции. Можно ли утверждать, как это делали сторонники «клановой теории», что со временем собственность всего племени на землю сменилась собственностью больших семей? По-видимому, нет. Не более правильным, как нам кажется, будет и приведенное выше утверждение, что собственность в ирландском обществе была коллективной по форме, но безусловно частной по существу. И там и тут на первое место выступает критерий *отчуждения* собственности, хотя, как мы видели, сами законы наталкивают на дифференцированный подход к нему. Необходимо задаться вопросом, что за коллектив и что за положение делают в этом обществе человека человеком и *позволяют* ему вступать в любые юридические отношения, в частности, в отношении собственности и ее отчуждения. Таким коллективом была в ирландском обществе большая семья, и мы можем прийти к парадоксальному по внешности выводу, что именно членство в коллективе, где отчуждение было невозможно или крайне ограничено (что одно и то же, ибо, понятно, нелепо было бы думать об отчуждении *всей* доли имущества человека в семье), делало возможным отчуждение им имущества в других случаях. Противоречие здесь, тем не менее, лишь видимое.

Этот второй слой общинных отношений, о котором мы только что говорили, не возник на пустом месте. Традиции совместного ведения хозяйства с акцентом на скотоводстве и распоряжение коллектива людей необходимыми для этого угодьями уходят в далекое прошлое³⁸. Законы же, отражая происшедшие в экономике перемены, лишь резче подчеркнули роль большой семьи в вопросах землевладения и землепользования³⁹. Такое разграничение вовсе не исключало существования более широких коллективов (прежде всего — более широких форм большой семьи) со связями *общинного характера* — общими правами и обязанностями, типами кооперации и т. д. Увеличение роли земледелия и связанные с этим процессы лишь осложнили характер этих связей и частично способствовали более глубокому социальному размежеванию охваченных ими людей. В хозяйственной жизни формы взаимодействия между членами различных подразделений большой семьи или разных семей были достаточно многообразны. Законы упоминают о совместной обработке земли и владении нужными для этого приспособлениями, о пользовании многочисленными угодьями, о коллективной ответственности за общественные работы и т. д. Кроме всего прочего, нередко были случаи совместной обработки земли не только в пределах большой семьи, но и членами разных родовых объединений. Практика свободного соглашения в этой области была, очевидно, издавна укоренившейся. Ряд сведений об этом мы можем получить

³⁸ См. законы ALI, IV и введение к ним.

³⁹ Возможно, что именно тут и произошло окончательное оформление *geiffine* как основной хозяйственной единицы и более четкое отделение ее от других форм большой семьи.

из трактата о семейных отношениях ⁴⁰. В законах встречаются и другие, интересные, хотя и мало разработанные там положения. В одном из текстов (ALI, III, p. 142) уточняются основывающиеся на временном — «с мая по май» — соглашении условия совместного ведения хозяйства двумя людьми, из которых один дает определенный земельный участок (*foltach fuithrige*), а другой только скот (*carpat ar imram*); это нельзя понимать буквально, так как свободный человек непременно должен был сам иметь и участок обрабатываемой земли. Возможно, однако, что подразумевается недостаток у него удобной земли под пастбища, так как текст упоминает коров. С точки зрения использования все больших площадей земли под сельскохозяйственные культуры этот момент представляется неинтересным. Речь без сомнения идет о людях низкого общественного положения, так как оговаривается, что объем их совместной собственности не дает никому из них права на получение высшей квалификации *боаире* ввиду временного характера соглашения. Тщательно установленные нормы ответственности за нанесение ущерба чужой собственности и возмещений за это ясно демонстрируют внимание, с каким составители законов относятся к сохранности и неделимости земельного участка. Возмещение за незаконный захват земли, хотя бы при этом временно страдал и другой партнер, приходится исключительно на долю исконного владельца участка, приводя к увеличению объема его земельного фонда. В рассматриваемую нами эпоху сохранилось широко практиковавшееся с древнейших времен совместное пользование пастбищами, хотя распашка новых площадей земли и внесла в регулирующие эти отношения нормы ряд существенных изменений. Необходимо оговориться, что законодательные нормы, и в их числе все рассмотренные выше, сохраняя общезначимый для всей Ирландии характер, все же не могут полностью отражать те конкретные условия, которые сложились в различных районах страны под влиянием происшедших в экономике изменений. Количество нераспаханной земли, которое является важным компонентом хозяйственной и социальной структуры общества той эпохи, естественно варьировалось, что порождало те или иные отклонения от описанных выше правовых и социальных установлений. Все же, несоответствия в развитии географических районов не нарушали их существенного сходства между собой и не могли явиться решающим фактором в преодолении той инерции, о которой говорил К. Маркс применительно к общественным организациям Индии, называя ее, кстати, «Ирландией Востока» ⁴¹. Сказанное можно иллюстрировать рядом примеров. Периодический передел земельных участков вообще не был характерен для ирландской общинной организации, что вовсе не противоречит самому принципу общины и является обычной чертой стран с достаточными запасами необработанной земли. Один текст содержит следующие данные по поводу совместной обработки земли. Он сообщает, что в первый год обоснования на земле каждый родич обрабатывает ее как пожелает, на второй год они должны делиться участками, на третий — установить границы; весь процесс заканчивался на десятый год, когда устанавливаются окончательные нормы раздельного землепользования (см. ALI, IV). Думается, что

⁴⁰ Cain Lanamna, см. ALI, III, p. 358. Предусматривается, в частности, и такой случай. Если при заключении брака супруги объединяются, с точки зрения собственности, на равных основаниях, то и решения по поводу ее использования должны впоследствии приниматься совместно, исключая те случаи, когда это решение идет на пользу обоим. Из глоссы к этому месту мы узнаем об «объединении для обработки земли, т. е. ... их законном союзе с должной семьей для возделывания». Должной семьей является семья одного из супругов, но текст сообщает далее, что был возможен и другой выбор. «Пахота, т. е. пахота одна; с человеком *фине* должна осуществляться совместная вспашка, если он предлагает то же количество работы, что и человек из чужой семьи, а если это не так...», тогда возможно соглашение с представителем той самой «чужой семьи».

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 410.

эти сведения справедливы для всей Ирландии, хотя, быть может, и упрощают реальность.

Теперь, прежде чем попытаться суммировать сказанное выше и выделить основные черты ирландской общинной организации, нужно ответить на один вопрос, поставленный выше. Речь идет об утверждении Мак Нейлла о том, что ирландская большая семья не была постоянно конституированной единицей, а имела, так сказать, «казусный характер» и связи объединявшие ее членов, осознавались лишь от случая к случаю, прежде всего при отклонении от нормального хода событий. Вопрос этот, как кажется, имеет более широкое значение и находит себе параллели во многих социально-экономических организмах. Дело в том, что «казусность» принадлежала прежде всего языку описания, свойственному не только ирландским законам, но, к примеру, и римскому праву. Четкого и раз навсегда установленного значения таких кардинальных связанных с собственностью (поскольку именно она интересует нас сейчас) понятий, как *possessio*, *dominium* и мн. др., не существовало и здесь — все они получали то или иное значение при рассмотрении конкретных случаев и прецедентов. Это вовсе не значит, что тот же характер имели и реальные общественные отношения, наблюдаемые нами в этих обществах. Естественно, что они основываются прежде всего на отношениях собственности, но собственность эта (и противопоставление частной и общественной) имеет другой характер, нежели в новое время. Дать ее определение крайне трудно, если и не невозможно, так как затруднительно вычленив ее из всех прочих общественных связей, составляющих основу жизни и мировоззрения того периода. Особенность эта является *существенной* и во многом оправдывает попытку выработки подобного рода определения через набор признаков (который, в отличие от «казусного» принципа описания изнутри культуры, будет все же исторически обоснован и обобщен).

Выработка такого набора признаков для каждой данной культуры оказывается делом достаточно сложным и индивидуальным. Для Ирландии системой, помогающей организовать их, к тому же во времени, оказывается система координат, как мы условно назвали два принципа градации в исследуемом нами обществе. Система ирландских статусов в своем реальном преломлении действовала по-разному в отношении разных форм большой семьи и — в конечном итоге — племени. Способствуя сохранению родового строя, в пределах узкого круга *фине* еще господствовало по отношению к собственности то «естественное отношение» человека к земле, о котором говорил К. Маркс. Однако общественное расслоение, постепенно совершавшееся в Ирландии и выразившееся прежде всего в системе статусов (и теснейшим образом связанным с этой системой институте клиентных отношений), постепенно разлагало элементы этого строя, что отразилось в усложнении и углублении типов зависимости, действовавших прежде всего вне этих узких форм большой семьи. Эта система координат могла преломляться и в положении одного человека. Естественно, что такой подход оправдан лишь по отношению к свободному населению племени, которое интересует нас в данной работе. Именно узкая форма большой семьи, родовая или домашняя община, составляла основу общинной организации в Ирландии. Вне ее мы видим лишь некоторые связи общинного типа, по мере расширения общественного организма постепенно затухающие. Разделительной линией между этими ступенями общинной организации можно признать понятие исконной и «приобретенной» земли, о котором мы говорили выше и которое находит соответствие в праве многих народов (например германских).

Характерной чертой собственности внутри ирландской родовой общины, что характерно не только для нее одной, был контроль общины над ее земельным фондом, в наблюдаемых нами ранних формах выражавшийся скорее как самоконтроль всего общественного организма. Дело здесь

в еще практически нерасторжимой связи со своим коллективом, невозможности отступления от «трудового принципа» членства в нем, связанного с пронизывающими жизнь каждого человека и коллектива принципами материальной ответственности. Именно здесь мы видим эту «связь всего со всем», которая начинает постепенно дробиться при расширении кругов родственной принадлежности. Думается, что наблюдения Ф. Энгельса о смене *форм* общей собственности можно применить и к синхронному плану исследования. В историческом же аспекте эта смена совершалась в Ирландии довольно медленно на всем протяжении ее независимого развития. Причин этой уже упоминавшейся *инерции* довольно много, но внешним ее выражением было поддержание того самого баланса разных уровней общинных отношений, о котором мы говорили выше. В их взаимодействии и развитии — корень многих общественных сдвигов в истории Ирландии.

Развитие, тем не менее, совершалось, и инерцию нельзя отождествлять с застойностью. Мы надеялись показать, что выработка критериев для его оценки на основе лишь данных об отчуждении имущества очень ненадежна, особенно если понимать само отчуждение в современном смысле. Исследование ирландской общинной организации только начинается. Важным его условием должна стать правильная *ориентация* доступного нам материала об островных кельтских обществах, дающая возможность понять архаические институты в их исторической обусловленности. Это является тем более необходимым, что при попытке сравнительного анализа островных и континентальных кельтских обществ (при явной скудости материала касательно последних), самой по себе совершенно оправданной, уяснение локальных вариаций и основных линий развития в значительной степени определяет успех исследования.

LAND RELATIONS AND ELEMENTS OF COMMUNITY ORGANIZATION IN CELTIC SOCIETY

S. V. Shkunayev

This problem has so far been relatively little studied, mainly because of the peculiarity and complexity of the available source material. The surviving relics of ancient Irish law are therefore are invaluable documents, making possible extensive research on social relations in Celtic communities. After analysing the contents of several treatises the author attempted to extract the most essential norms regulating the structure of the extended family in its various forms, chiefly in connection with matters pertaining to possession of land. By this means he was able to trace different levels of community organisation (especially in relation to kinship and neighbourhood communities) and to demonstrate their interrelations in the general context of Irish economic development in the ancient and early-mediaeval epochs.
